

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.392-407><https://elibrary.ru/bbldyz>

УДК / UDC 94(=511.152):325.1"1959/2021"(470+571)

Оригинальная статья / Original article

Изменение концентрации мордовского этноса в регионах России с 1959 по 2021 годы

Н. К. Теренина , Б. А. Владыкин, А. Г. Манаков

*Псковский государственный университет,**г. Псков, Российская Федерация, <https://ror.org/04h7w4h73>* brazelon@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования связана с ускорением в последнее время сокращения численности финно-угорских народов в мире, и особенно в России. Одним из лидеров данной отрицательной динамики является мордва. Темпы уменьшения численности мордовского этноса значительно отличаются в разных регионах России, и статья закрывает пробел, связанный с недостаточной изученностью географической составляющей данного явления. Последнее позволяет оценить роль в этнической динамике миграционных и ассимиляционных процессов. Цель исследования – выявить особенности изменения концентрации мордвы в регионах России в межпереписные периоды с 1959 по 2021 гг., а также определить причины данной динамики.

Материалы и методы. Исследование базируется на этнической статистике по регионам России по итогам переписей населения с 1959 по 2021 гг. Используется методика, включающая расчет и картографирование на региональном уровне динамики показателя, называемого коэффициентом этнической концентрации. Благодаря данной методике можно сравнить темпы динамики представителей этноса, проживающих в разных регионах страны.

Результаты исследования и их обсуждение. Картографирование изменений коэффициента концентрации мордвы по шести межпереписным интервалам позволило выявить закономерности региональной динамики этноса. В позднесоветский период, вместе с миграционным приростом мордвы в отдельных регионах страны, наблюдалось падение ее концентрации в большинстве других регионов, которое объясняется началом ассимиляционных процессов. В постсоветский период сокращение численности данного этноса охватило всю территорию России, включая и регионы с повышенной концентрацией этноса, входящие в ареал давнего расселения мордвы.

Заключение. Авторы высказывают точку зрения, что ассимиляция стала главным фактором уменьшения численности мордвы в рассматриваемый период. Роль естественной убыли этноса была менее значительной, и она отразилась на ускорении сокращения численности мордвы только в постсоветский период. В пространственном отношении процессы ассимиляции мордвы сначала охватили регионы страны, наиболее удаленные от Мордовии, а затем – регионы повышенной концентрации этноса, расположенные ближе к республике. На этом фоне Мордовия характеризовалась минимальными темпами ассимиляции титульного этноса. Используемая авторами методика может быть применена при изучении региональной динамики других этносов.

Ключевые слова: финно-угорские народы, коэффициент этнической концентрации, этнодемография, ассимиляция, этническая идентичность

© Теренина Н. К., Владыкин Б. А., Манаков А. Г., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Теренина Н.К., Владыкин Б.А., Манаков А.Г. Изменение концентрации мордовского этноса в регионах России с 1959 по 2021 годы. *Финно-угорский мир*. 2026;18(3):392–407. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.392-407>

Changes in the Concentration of the Mordovian Population across Russian Regions, 1959–2021

N. K. Terenina , B. A. Vladyskin, A. G. Manakov

Pskov State University, Pskov, Russian Federation,

<https://ror.org/04h7w4h73>

 brazelon@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of this study is determined by the recent acceleration in the decline of Finno-Ugric populations worldwide, particularly in Russia. The Mordovian people are among the ethnic groups most affected by this negative demographic trend. However, the rate of population decline varies considerably across different regions of Russia. This article addresses a research gap related to the insufficiently studied geographical dimension of changes in the Mordovian population. Such an approach makes it possible to assess the role of migration and assimilation processes in shaping ethnic dynamics. The aim of the study is to identify the regional patterns of change in the concentration of the Mordovian population in Russia during the intercensal periods from 1959 to 2021 and to determine the main factors underlying these dynamics.

Materials and Methods. The study is based on regional ethnic statistics from the Russian population censuses conducted between 1959 and 2021. The methodology involves calculating and mapping, at the regional level, the dynamics of an indicator referred to as the ethnic concentration coefficient. This approach makes it possible to compare the rates of change in the Mordovian population across different regions of the country.

Results and Discussion. Mapping changes in the Mordovian ethnic concentration coefficient across six intercensal periods made it possible to identify clear patterns of regional ethnic dynamics. During the late Soviet period, alongside migration-driven growth of the Mordovian population in some regions, its concentration declined in most other parts of the country, reflecting the onset of assimilation processes. In the post-Soviet period, the decline in the Mordovian population became nationwide, affecting even regions with a comparatively high concentration of Mordovians located within their historical settlement area.

Conclusion. The authors argue that assimilation was the principal factor behind the decline in the Mordovian population during the period under study. Natural decrease played a less significant role and contributed to the acceleration of population decline only in the post-Soviet period. Spatially, the assimilation of the Mordovian population initially affected regions located furthest from the Republic of Mordovia and subsequently spread to areas with higher concentrations of Mordovians situated closer to the republic. Against this background, the Republic of Mordovia demonstrated the lowest rates of assimilation among the titular ethnic group. The methodology applied in this study may also be used to examine the regional dynamics of other ethnic groups.

Keywords: Finno-Ugric peoples, ethnic concentration coefficient, ethnodemography, assimilation, ethnic identity

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Terenina N.K., Vladyskin B.A., Manakov A.G. Changes in the Concentration of the Mordovian Population across Russian Regions, 1959–2021. *Finno-Ugric World*. 2026;18(3):392–407. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.392-407>

Введение

В последние десятилетия в мире наблюдается уменьшение численности финно-угорских народов, что актуализирует связанную с этим этнодемографическую тематику исследований, которая привлекает внимание как российских, так и зарубежных авторов. В России между переписями 2010 и 2021 гг. было зафиксировано максимальное, на фоне предыдущих межпереписных интервалов, сокращение численности финно-угорских народов, и одним из лидеров данной отрицательной динамики стал мордовский этнос.

Мордва до недавнего времени являлась самым широко расселенным по территории страны финно-угорским народом, и эта специфика, складывающаяся на протяжении длительного времени, нашла отражение в современной демографической динамике этноса.

Этнодемографы обычно акцентируют внимание на анализе динамики численности каждого из финно-угорских народов России по отдельности, или в сравнении с другими, но географическая составляющая данной динамики остается изученной в недостаточной степени. Скорость сокращения численности финно-угорских народов сильно отличается в разных регионах страны, и его географический анализ позволяет дать оценку влияния двух факторов, которые сложнее всего изучать, опираясь только на общую этнодемографическую статистику по стране, а именно, роли в этнической динамике миграционных и ассимиляционных процессов.

Цель исследования – выявление особенностей динамики концентрации мордвы в регионах России в межпереписные интервалы с 1959 по 2021 гг., а также определение причин данной динамики.

Обзор литературы

Динамика численности мордвы на фоне других финно-угорских народов России рассмотрена в большом количестве публикаций. Так, например, в работах В. В. Фаузера [1] и Н. Н. Логиновой [2] проанализирована соответствующая динамика по итогам всех переписей населения в пределах России с 1926 по 2002 гг., в статье Н. Н. Логиновой и Т. П. Ребровой [3] – с 1926 по 2010 гг., в работах А. Б. Мясниковой [4] и О. Н. Прокаевой [5] – по результатам Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг. В перечисленных исследованиях делается акцент на изучении демографических потерь финно-угорских народов, связанных со снижением рождаемости, неблагоприятной возрастно-половой структурой населения, ведущей к повышению смертности, и только во вторую очередь обращается внимание на смешанные браки, ведущие к ассимиляции.

Зарубежные исследователи также рассматривают проблему сокращения численности финно-угорских народов России, при этом в настоящее время больший акцент делается на изучении идентичности представителей народов данной языковой группы¹.

В российской науке следует особо отметить работы, где исследуются ассимиляционные процессы среди финно-угорских народов. Так, в частности, этноязыковые процессы, характеризующие финно-угорские народы Урало-Поволжья, рассмотрены в работах Ф. Г. Сафина с соавторами [6; 7]. А. Ю. Орлов [8], анализирующий этноассимиляционные процессы среди народов Приволжского федерального округа, отнес мордву, вместе с удмуртами и коми-пермяками, к типу значительно ассимилируемых народов с высоким уровнем межэтнической брачности и высокой долей перешедших на русский язык.

На основании итогов переписи населения 2021 г., показавшей ускорение сокращения численности финно-угорских народов в России, Ю. П. Шабаев [9] высказал предположение, что демографическая «катастрофа» российских финно-угров в большей мере связана с «дрейфом идентичностей», вызванным процессами урбанизации и языковой ассимиляции, чем собственно демографической убылью. Резкое уменьшение численности финно-угорских народов, и особенно мордвы, в период с 2010 по 2021 гг. действительно свидетельствует об основном вкладе ассимиляционных процессов в их демографическую динамику. К этим же выводам приводит осуществленный

¹ Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities. Helsinki: Helsingin yliopisto, Suomalais-Ugrilainen Seura; 2011. 406 p.

авторами данной статьи [10; 11] анализ изменения численности и удельного веса финно-угорских народов в населении муниципальных образований на северо-востоке европейской части России во втором десятилетии XXI в.

До недавнего времени мордва являлась наиболее широко расселенным финно-угорским народом России, поэтому имеется много публикаций, посвященных динамике численности и расселению мордвы не только на территории своей республики, но и в разных регионах страны. Такие исследования проводились в Урало-Поволжском регионе [12; 13], в частности, на территории республик Башкортостан [14] и Татарстан [15], а также в Западной Сибири [16; 17], в Предбайкалье [18], на Дальнем Востоке [19], в бывших союзных республиках [20], в особенности, на территории Казахстана [21; 22].

Тем не менее ранее не проводились исследования, где изменение численности мордвы рассматривалась бы в межпереписные интервалы одновременно во всех регионах России, что позволило бы выявить территориальные закономерности демографической динамики этноса. Для этого лучше всего использовать картографический метод исследования, но также важен подбор показателя, который может быть использован для соответствующего картографического анализа.

В мировой науке для оценки особенностей расселения этнических групп в пределах территориальных единиц разных иерархических уровней используются различные показатели. Исследования такого типа чаще проводятся на уровне городов, в пределах которых изучается концентрация разных групп иммигрантов [23] или представителей определенных этнических групп [24]. Например, для анализа этнической сегрегации в городах может быть введен такой показатель, как коэффициент искажения [25], но чаще в подобных исследованиях используются показатели, характеризующие концентрацию представителей этнических сообществ в районах города или же регионах страны. Так, разные исследовательские аспекты, связанные с региональной концентрацией иммигрантов, рассматривались в Германии [26], Швеции [27] и Нидерландах [28].

В отечественной науке в качестве одного из показателей, отражающих концентрацию представителей этнических сообществ в территориальных ячейках, выступает коэффициент этнической локализации, который используется, например, Д. В. Житиным и А. И. Красновым [29; 30] для выявления специфики расселения этнических групп в Санкт-Петербурге. Данный показатель рассчитывается как отношение удельного веса представителей определенной этнической группы в населении городского района к удельному весу рассматриваемой этнической группы в численности населения всего города.

Тем не менее для определения степени концентрации этносов в разных регионах страны лучше воспользоваться иным показателем, который был назван З. А. Трифионовой [31] коэффициентом этнической концентрации. Коэффициент этнической концентрации рассчитывается как отношение численности представителей этноса в определенном регионе страны к общей численности этноса в пределах всей страны. С помощью данного показателя З. А. Трифионовой с соавторами [32] была проанализирована динамика расселения чувашей в России и сопредельных государствах с 1926 по 2010 гг. В свою очередь Д. В. Житин [33] изучил изменение концентрации русского этноса в пределах Российской Федерации во второй половине XX в. – начале XXI в.

Данный показатель использовался авторами статьи для выявления уровня концентрации титульных этносов в своих национально-территориальных образованиях [34], а также государствах [35]. Так же была проанализирована динамика концентрации марийцев в регионах России по всем межпереписным интервалам с 1959 по 2021 гг., для чего применялся картографический метод [36]. Исследование позволило выявить

некоторые географические закономерности в изменении концентрации данного народа в разных регионах страны. Апробация методики показала, что она может быть использована в других аналогичных исследованиях.

Материалы и методы

В качестве информационной базы исследования выступает этническая статистика по регионам России и другим советским республикам по итогам Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг., а также национальных переписей населения стран ближнего зарубежья в постсоветский период, представленная на сайтах Демоскоп Weekly² и Population statistics of Eastern Europe & former USSR³.

Работа опирается на методику, представленную в упомянутом выше исследовании [36], которая включает не только расчет коэффициента концентрации мордвы в регионах России по итогам переписей населения с 1959 по 2021 гг., но и картографирование динамики данного показателя за временные интервалы между переписями населения.

В соответствии с проведенными с 1959 по 2021 гг. переписями населения, выделено шесть временных отрезков, три из которых приходятся на советский период (между переписями 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.), и еще три – на постсоветский (между переписями 1989, 2002, 2010 и 2021 гг.). Из-за малой величины изменения показателя в регионах страны в межпереписные интервалы, его динамику предложено отображать на картосхемах не в процентах (%), а в промилле (‰).

В связи с тем, что динамика показателя может рассчитываться только для одинаковых территориальных ячеек (в тех же границах в начале и конце исследуемого интервала), потребовалось выбрать базовые территориальные единицы. В качестве таковых выступают современные субъекты Российской Федерации. Этническая статистика за разные годы проведения переписей населения была приведена в соответствие с современными границами субъектов РФ, в некоторых случаях (например, для новых субъектов РФ) давалась оценка численности мордвы на год проведения определенной переписи исходя из выявленных тенденций демографической динамики.

Результаты исследования и их обсуждение

Начиная с переписи населения 1939 г., наблюдается сокращение численности мордвы в СССР (таблица). При этом нужно отметить, что в течение всего советского периода суммарный коэффициент рождаемости у мордвы (среднее число детей на одну женщину) должен был обеспечивать расширенное воспроизводство этноса. Так, в 1979 г. данный показатель у мордвы составлял 2,487, что существенно превышало как общесоюзный уровень (2,27), так и общероссийский (1,859)⁴. К 1989 г. наблюдалось значительное понижение данного индикатора (до 2,355)⁵, тем не менее его значение продолжало превосходить общесоюзный (2,34) и общероссийский (1,892) уровни. Таким образом, в советское время должен был происходить рост численности мордвы, однако наблюдалась противоположная картина, а значит, сокращение численности мордвы в этот период было вызвано исключительно процессами ассимиляции; поэтому в первую очередь в статье дадим оценку роли ассимиляционных процессов в динамике численности этноса в советский и постсоветский периоды.

² Демоскоп Weekly. Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1> (дата обращения: 19.02.2026).

³ Population statistics of Eastern Europe & former USSR [Электронный ресурс]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения 10.02.2026).

⁴ Демоскоп Weekly. Всесоюзная перепись 1979 года. Женщины отдельных национальностей по возрасту и числу рожденных детей, РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_chi_79.php (дата обращения: 26.02.2026).

⁵ Демоскоп Weekly. Всесоюзная перепись 1989 года. Женщины отдельных национальностей по возрасту и числу рожденных детей, РСФСР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_chi_89.php (дата обращения: 26.02.2026).

Т а б л и ц а. Численность мордвы по итогам переписей населения с 1939 по 2021 гг.
T a b l e. The Mordvin population according to population censuses, 1939–2021

Год / Year	Республика Мордовия / Republic of Mordovia		Другие регионы России / Other regions of Russia		Ближнее зарубежье / Near abroad		Всего / Total	
	тыс. чел. / thousand people	%	тыс. чел. / thousand people	%	тыс. чел. / thousand people	%	тыс. чел. / thousand people	%
1939	405,0	27,8	971,3	66,7	80,0	5,5	1456,3	100
1959	358,0	27,9	853,1	66,4	74,0	5,8	1285,1	100
1970	364,7	28,9	812,8	64,4	85,2	6,7	1262,7	100
1979	338,9	28,4	772,2	64,8	80,7	6,8	1191,8	100
1989	313,4	27,2	759,5	65,8	81,0	7,0	1154,0	100
2002	283,9	32,7	559,5	64,4	25,5	2,9	868,8	100
2010	333,1	44,2	411,1	54,6	8,9	1,2	753,1	100
2021	290,8	58,9	192,9	39,1	9,9	2,0	493,6	100

Источник: таблица и рисунки в статье составлены авторами по данным источника: Population statistics of Eastern Europe & former USSR [Электронный ресурс]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 10.02.2026).

Source: The table and figures in the article were prepared by the authors based on data from the source Population statistics of Eastern Europe & former USSR [Electronic resource]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (accessed 10.02.2026).

Еще в период с 1959 по 1970 гг. положительный естественный прирост мордвы обеспечил увеличение численности этноса в своей республике (с 358 до 364,7 тыс.), и одновременно стал ресурсом для миграций в другие регионы страны. Однако, во многих регионах давнего расселения мордвы уже в полной мере шли ассимиляционные процессы, что и привело к сокращению численности данного этноса в стране в этот период. С 1970 по 1979 гг. данные тенденции стали более ощутимы и в Мордовии, что привело, при сохраняющемся миграционном оттоке мордвы в другие регионы страны к уменьшению численности титульного этноса в своей республике (до 338,9 тыс.). В период с 1979 по 1989 гг. сохранились такие же темпы сокращения численности титульного этноса в Мордовии, но значительный миграционный отток ускорил падение концентрации мордвы в республике. При этом ассимиляция мордовского этноса в последнем советском десятилетии была примерно на том же уровне, что и в предыдущем межпереписном интервале.

В постсоветский период более чем двукратное сокращение численности мордвы в России лишь частично связано с естественной убылью. В 2002 г. суммарный коэффициент рождаемости мордовского этноса составил 1,986, немного не дотягивая до 2,0, но при этом он сильно превышал среднюю величину показателя по России (1,286)⁶. Данный показатель заметно превосходил общероссийский уровень и в 2010 г. (соответственно, 1,812 и 1,567)⁷. В среднем же в постсоветский период суммарный коэффициент рождаемости мордвы был лишь немного ниже 2,0, свидетельствуя о суженном воспроизводстве, но близким к уровню простого воспроизводства, т. е. естественная убыль этноса в этот период была небольшой. Подавляющая часть сокращения численности мордовского этноса в постсоветское время приходится на его ассимиляцию.

Темпы уменьшения численности мордвы в пределах постсоветского пространства мало отличались в межпереписные интервалы, но нужно отметить небольшое замедление сокращения в интервале с 2002 по 2010 гг. (см. таблицу), причем перепись

⁶ Демоскоп Weekly. Всероссийская перепись 2002 года. Женщины наиболее многочисленных национальностей РФ по возрастным группам и числу рожденных детей [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_chi_02.php (дата обращения: 26.02.2026).

⁷ Демоскоп Weekly. Всероссийская перепись 2010 года. Женщины наиболее многочисленных национальностей РФ, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и числу рожденных детей [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_chi_10.php (дата обращения: 26.02.2026).

населения 2010 г. даже зафиксировала рост численности мордвы в своей республике (с 283,9 до 333,1 тыс.). Доля титульного этноса в Мордовии выросла между переписями с 32,1 до 40,1 %, а русских – уменьшилась с 61,1 до 53,4 %. Динамика численности населения республики в этот временной интервал вполне укладывается в демографические тенденции постсоветского периода, поэтому нельзя объяснить значительный рост численности мордвы их обратной миграцией в республику из других регионов России и стран ближнего зарубежья. В то же время не наблюдалось заметного миграционного оттока русских из республики, следовательно, произошла перестройка этнической структуры населения Мордовии в результате смены частью населения республики своей этнической идентичности.

Резкая смена самоидентификации в пользу титульного этноса республики частью населения Мордовии в период переписи населения 2010 г. рассмотрена в статье О. А. Богатовой⁸. Так, в ходе социологического опроса населения республики, проведенного в 2013 г., были выявлены две основные причины данного явления. В первую очередь, это «неустойчивый, ситуативный характер этнической идентичности потомков смешанных браков во втором-третьем поколении среди городского населения»⁹, причем смена идентичности в данном случае «не была подкреплена какими-либо языковыми компетенциями»¹⁰. В качестве второй причины было названо изменение процедуры учета во время переписи 2010 г., когда было разрешено фиксировать национальность без личного опроса. Результаты переписи населения 2021 г. подтвердили «ситуативный характер этнической идентичности» части населения республики, т. к. после 2010 г. вернулась характерная для периода с 1930-х гг. тенденция уменьшения численности мордвы в своей республике.

Согласно итогам переписи населения 1959 г., мордва была самым многочисленным, но при этом самым дисперсно расселенным финно-угорским народом России. По численности (1 млн 285,1 тыс. чел.) мордва в два раза превосходила удмуртов, в 2,4 раза – марийцев, в 4,3 раза – коми и в 7,4 раза – карелов. При этом концентрация мордвы в своей республике была почти вдвое ниже, чем карелов и марийцев, и почти втрое, чем удмуртов и коми.

Кроме Мордовии, в пределах России концентрация мордвы в 1959 г. была достаточно высокой в Куйбышевской (совр. Самарской) (9,5 %), Пензенской (9 %), Оренбургской (7,8 %), Ульяновской (6 %), Горьковской (совр. Нижегородской) областях (5,2 %), Башкирской АССР (3,6 %), Татарской АССР (2,7 %), Чувашской АССР (2 %), Московской области (1,6 %), г. Москве (1,1 %) и т. д. Таким образом, пояс повышенной концентрации мордвы протянулся от Московской области на западе до Оренбургской области на востоке (рис. 1).

Картографирование коэффициента концентрации мордвы в 1959 г. позволяет выявить также ответвления от этого пояса на юг (до Приазовья), на север (включая Коми АССР) и на восток, вплоть до тихоокеанского побережья, т. е. расселение мордвы было действительно очень широким, но в меньшей степени охватывало западную часть Европейской России, ее крайний юго-восток, а также Западную Сибирь.

В течение советского периода, вплоть до конца 1980-х гг., продолжалось миграционное расширение территории расселения мордвы, к 1989 г. концентрация мордовского этноса в своей республике уменьшилась до 27,2 %, а вне Мордовии выросла в союзных республиках – с 5,8 % в 1959 г. до 7 % в 1989 г., но немного уменьшилась в других регионах России – с 66,4 до 65,8 % (см. таблицу).

⁸ Богатова О.А. Социальные факторы динамики этнической идентичности в республике Мордовия. В: Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. Смоленск: Смоленский государственный университет; 2016. С. 72–75. <https://elibrary.ru/wzrodx>

⁹ Там же. С. 73.

¹⁰ Там же. С. 75.

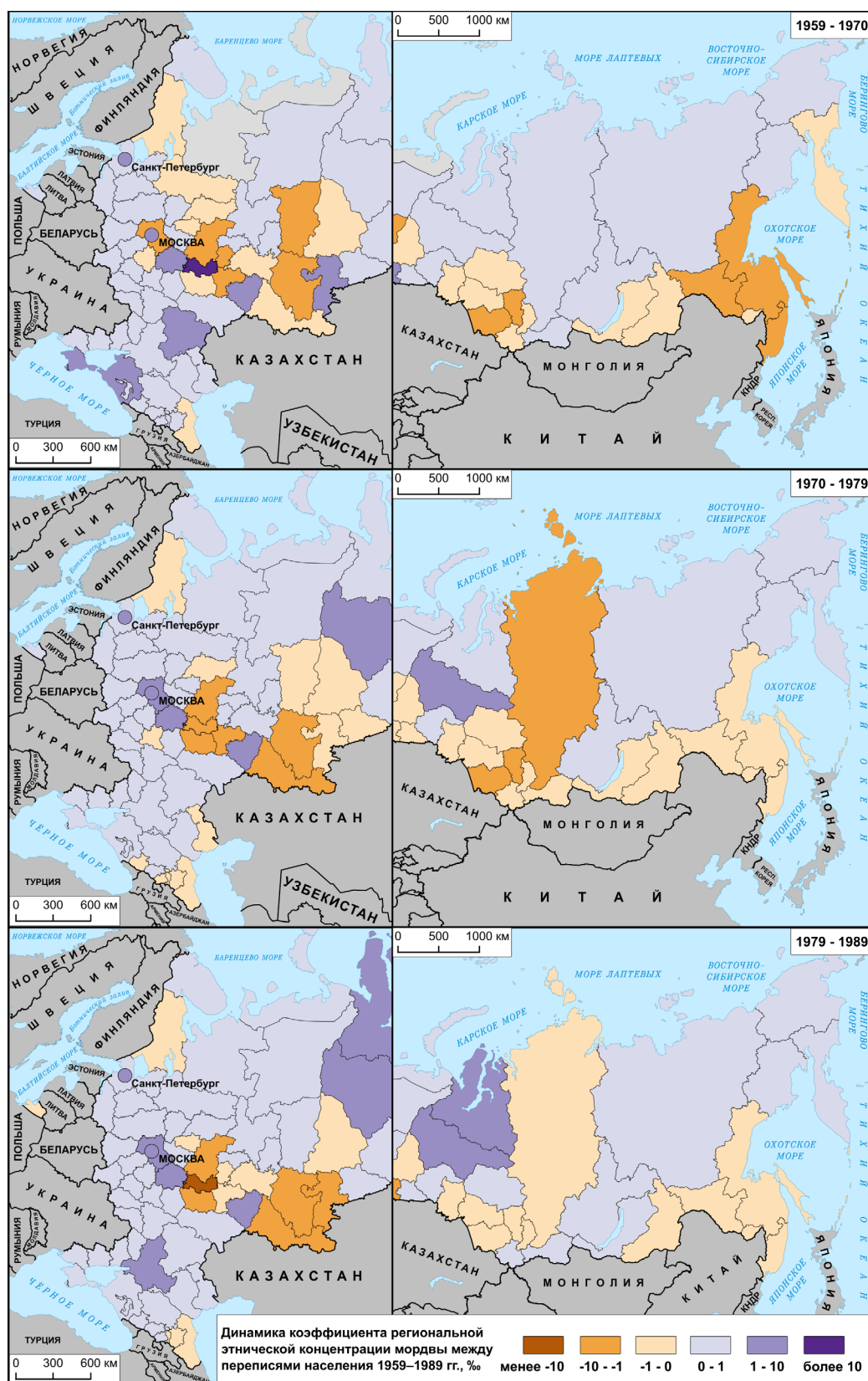
Р и с. 1. Коэффициент концентрации мордвы в регионах России по итогам переписи населения 1959 г., %
 F i g. 1. Mordovian ethnic concentration coefficient in the regions of Russia based
 on the 1959 population census, %

Численность мордвы в СССР между переписями населения 1959 по 1989 гг. сократилась на 11 % (до 1 млн 154 тыс. чел. в 1989 г.), что свидетельствует о начале ассимиляционных процессов в ряде регионов страны, так как при этом сохранялся положительный естественный прирост мордовского этноса. В период между переписями населения 1959 и 1970 гг. рост концентрации мордвы характеризовал как саму Мордовию (за счет естественного прироста), так и ряд регионов России, (включая г. Москву, г. Ленинград, Рязанскую, Куйбышевскую, Волгоградскую, Челябинскую области, Крым и Краснодарский край), главным образом, благодаря миграциям из республики. Обозначился и ряд регионов, где начались ассимиляционные процессы – Горьковская, Ульяновская, Пермская области, Чувашская и Башкирская АССР, ряд регионов на юге Сибири и Дальнего Востока (рис. 2).

В период между переписями населения 1970 и 1979 гг. сохранился ряд регионов миграционного притяжения мордвы (г. Москва, Московская область, г. Ленинград, Куйбышевская область и Ханты-Мансийский автономный округ), но одновременно начал расширяться пояс регионов с ассимиляцией мордвы, включающий как области, соседние с Мордовией (Горьковская, Пензенская и Ульяновская), так и более удаленные – на юге Урала и в Средней Сибири. При этом произошло снижение концентрации мордвы в своей республике, что также являлось отражением начавшихся ассимиляционных процессов, происходящих одновременно с миграционным оттоком мордвы в другие регионы.

Между переписями населения 1979 и 1989 гг. к обозначенным выше регионам добавились еще две территории миграционного притяжения мордвы – Ямало-Ненецкий автономный округ и Ростовская область. При этом в самой Мордовии начинается ускоренное падение концентрации титульного этноса, что свидетельствует о сохранении значительного миграционного оттока, который однако уже не мог компенсироваться естественным приростом, к тому же в условиях нарастающей ассимиляции. Уменьшение концентрации мордвы в большинстве регионов традиционного расселения также объясняется ростом ассимиляционных процессов.

В постсоветский период, а точнее, между переписями населения 1989 и 2021 гг., произошло катастрофическое падение численности мордвы, которое в границах бывшего Советского Союза составило 2,3 раза (примерно до 500 тыс., оценка), а в границах России – 2,2 раза (до 483,6 тыс.). По темпам сокращения численности

Р и с. 2. Динамика коэффициента концентрации мордвы в регионах России в межпереписные интервалы с 1959 по 1989 гг., %

F i g. 2. Dynamics of the Mordovian ethnic concentration coefficient in the regions of Russia during the intercensal periods, 1959–1989, %

среди титульных финно-угорских народов России мордва уступала только карелам и коми, значительно превосходя в этом плане удмуртов и марийцев. При этом по концентрации в своей республике (около 59 % в 2021 г.) мордва даже обогнала марийцев, перестав быть самым широко расселенным по территории России финно-угорским народом. Таким образом, главной тенденцией постсоветского периода стала ускоренная концентрация мордвы в своей республике.

В период между переписями населения 1989 и 2002 гг. рост концентрации мордвы отмечался не только в Мордовии, но и в ряде соседних регионов – Пензенской и Ульяновской областях, а также в Чувашии, Татарстане и Башкортостане (рис. 3), что объясняется более низкими темпами ассимиляции в ареале давнего расселения этноса. В подавляющем большинстве других регионов страны происходило уменьшение концентрации мордвы.

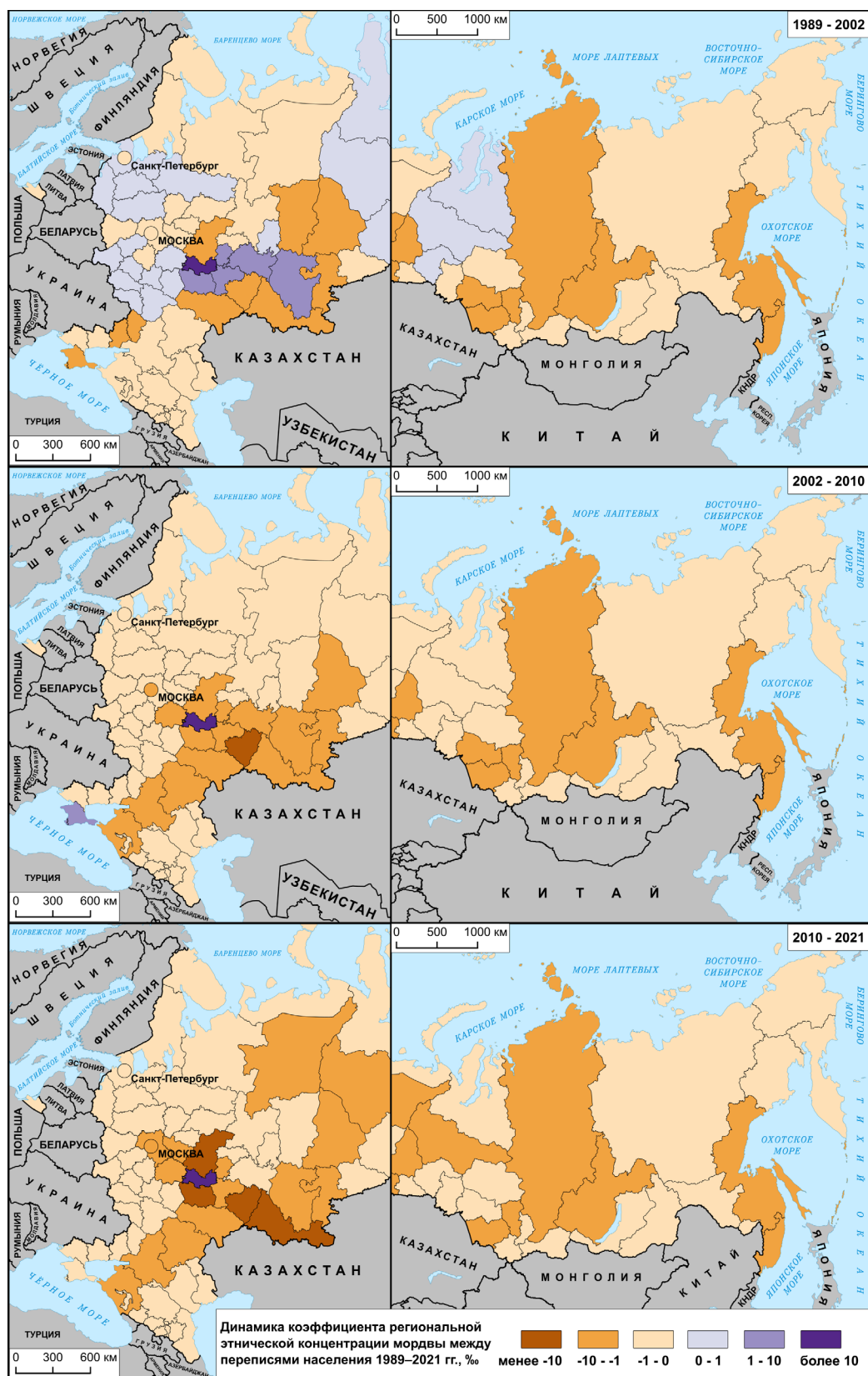
В первом десятилетии XXI в. Республика Мордовия стала единственным регионом страны с ростом концентрации мордовского этноса. В остальных же регионах, в том числе входящих в ареал давнего расселения этноса, шло ускоренное падение концентрации мордвы. Ситуация почти не изменилась во втором десятилетии XXI в.: увеличилось количество регионов с высокими темпами падения концентрации мордвы; в регионах, входящих в ареал давнего расселения этноса, эти процессы ускорились.

В целом постсоветский период характеризовался ускорением ассимиляции мордвы за пределами Мордовии. В первое десятилетие после распада СССР данный процесс охватил более удаленные от республики регионы, включая и ближнее зарубежье. На этом фоне несколько повысилась концентрация мордвы в регионах давнего расселения этноса. Во втором и третьем постсоветских десятилетиях ассимиляция мордвы приняла массовый масштаб во всех регионах России, кроме самой Мордовии. Концентрация представителей этноса в регионах вне своей республики с 1989 по 2021 гг. уменьшилась с 72,8 до 41,1 %. К 2021 г. часть населения Мордовии, обозначенного в 2010 г. как мордва, вернулась к русской самоидентификации – доля русских в республике в это время выросла с 53,4 до 54,2 %, а мордвы – уменьшилась с 40,1 до 38,8 %. Тем не менее рост титульной этнической самоидентификации, произошедший в 2010 г., «подтянул» процент мордвы и в 2021 г., если сравнивать результаты этой переписи с итогами переписи 2002 г.

Заключение

Таким образом, ассимиляция стала главным фактором уменьшения численности мордвы в период между переписями населения 1959 и 2021 гг. Мордва, являясь на протяжении длительного времени самым многочисленным финно-угорским народом России, утратила за этот период примерно двукратный перевес над удмуртами (386,1 тыс. в 2021 г.) и марийцами (423,3 тыс.), и в настоящее время она уже не столь значительно превосходит данные народы по численности (483,6 тыс.). При этом естественная убыль способствовала ускорению сокращения численности этноса только в постсоветский период.

Высокий уровень ассимиляции мордвы в позднесоветский и постсоветский периоды по сравнению с другими финно-угорскими народами России может быть объяснен значительной рассеянностью этноса по территории страны, сложившейся еще до середины XX в. Сначала ассимиляция мордвы охватила регионы страны, наиболее удаленные от Мордовии, а затем – регионы повышенной концентрации этноса, находящиеся ближе к республике и имеющие давнюю историю расселения мордвы. На этом фоне Мордовия характеризовалась минимальными темпами ассимиляции титульного этноса, что и привело, в условиях двух с половиной кратного сокращения численности мордвы в стране в период с 1959 по 2021 гг., к более чем двукратному росту концентрации этноса в своей республике (с 27,9 до 58,9 %).

Р и с. 3. Динамика коэффициента концентрации мордвы в регионах России в межпереписные интервалы с 1989 по 2021 гг., %

F i g. 3. Dynamics of the Mordovian ethnic concentration coefficient in the regions of Russia during the intercensal periods, 1989–2021, %

В заключение нужно отметить, что использованная авторами методика может быть применена при изучении региональной динамики других этносов. На изменение численности и удельного веса этнических групп в населении разных регионов страны влияют различные факторы, но с помощью картографического анализа можно выявить как закономерности, так и особенности региональной этнической динамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фаузер В.В. Финно-угорские народы в современном мире. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2011;(3):111–125. <https://elibrary.ru/oqrhlt>
2. Логинова Н.Н. Геодемографические и экзистенциальные особенности финно-угорских народов России. *Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле*. 2011;(2):128–133. <https://elibrary.ru/nvacfn>
3. Логинова Н.Н., Реброва Т.П. Динамика численности финно-угорских народов России. *Финно-угорский мир*. 2013;5(3):89–97. URL: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2013/3/89-97.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).
4. Мясникова А.Б. Демографические потери финно-угорского мира в конце XX – начале XXI веков. *Вестник Чувашского университета*. 2015;(2):96–101. <https://elibrary.ru/tzvyhd>
5. Прокаева О.Н. Влияние глобализации на финно-угорские народы Российской Федерации. *Вестник Мордовского университета*. 2014;(4):224–230. <https://doi.org/10.15507/VMU.024.201404.224>
6. Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И. Этнодемографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов в Урало-Поволжье. *Финно-угорский мир*. 2019;11(2):152–167. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167>
7. Сафин Ф.Г., Илиева А.А., Гильмитдинова Е.М. Этноязыковые процессы финно-угорских народов в республиках Урало-Поволжья. *Финно-угроведение*. 2023;(1):141–150. <https://elibrary.ru/hfkogh>
8. Орлов А.Ю. Геодемографические исследования этноассимиляционных процессов (на примере населения Приволжского федерального округа). *География и природные ресурсы*. 2011;(1):129–136. <https://elibrary.ru/ndrinp>
9. Шабает Ю.П. Демографическая «катастрофа» российских финно-угров: социальная и политическая мотивированность дрейфа идентичностей. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2023;19(4):634–647. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.409>
10. Владыкин Б.А., Алексеева О.С. Территориальные различия в динамике финно-угорского населения севера Европейской России в 2010–2021 гг. *Псковский регионологический журнал*. 2025;21(3):93–107. URL: <https://prj.pskgu.ru/s221979310035235-1-1/> (дата обращения: 20.02.2026).
11. Теренина Н.К., Иванов И.А., Владыкин Б.А., Алексеева О.С. Динамика контактной зоны между славянскими и финно-угорскими народами на северо-востоке Европейской России в 2010-е годы. *Псковский регионологический журнал*. 2024;20(4):68–83. URL: <https://prj.pskgu.ru/s221979310032224-9-1/> (дата обращения: 25.02.2026).
12. Теренина Н.К., Владыкин Б.А. Развитие зон контакта с коренными народами Урало-Поволжья на протяжении XIX века. *Псковский регионологический журнал*. 2023;19(3):90–107. <https://doi.org/10.37490/S221979310027007-0>
13. Сайфуллина Л.Ф. Финно-угорские народы Среднего Поволжья на Южном Урале по материалам Всероссийской переписи 1920 г.: новые данные. *Финно-угорский мир*. 2025;17(2):165–178. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.02.165-178>
14. Ажигулова А.И., Чернышева Н.В. Демографические процессы у финно-угорских народов Башкирии во второй половине 1920-х – 1930-е гг. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2024;18(4):545–556. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2024-18-4-545-556>
15. Дмитриева И.С., Рассолова Е.Н. Мордва: краткий экскурс в историю, динамика численности и причины ее снижения. *В мире научных открытий*. 2015;(3.6):2464–2474. <https://elibrary.ru/tqkopz>
16. Медведев В.В. Мордва Тобольской губернии – Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: к вопросу о расселении и численности в 1897–2010 гг. *Северный регион: наука, образование, культура*. 2021;(2):57–62. <https://doi.org/10.34822/2312-377X-2021-2-57-62>
17. Медведев В.В., Малахова Л.П. Мордва Обь-Иртышского Севера в материалах переписей населения: динамика численности и расселение. *Вестник Таджикского национального университета*. 2022;(6):53–63. <https://elibrary.ru/ybqnm>
18. Щанкина Л.Н. Мордва на территории Иркутской области во второй половине XIX – начале XXI в.: динамика численности и история переселения. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2023;(84):154–163. <https://elibrary.ru/vnfvwu>
19. Савка В.П. Динамика численности мордвы на Дальнем Востоке: история и современность. *Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2010;85(6–1):217–223. <https://elibrary.ru/ndxfpf>

20. Шульгов Е.Н. Динамика численности мордвы в союзных республиках СССР и миграции мордовского населения. *Самарский научный вестник*. 2018;7(2):174–179. <https://doi.org/10.17816/snv201872206>
21. Логинова Н.Н., Носонов А.М., Шурр А.В. Плотность и размещение мордовского этноса по областям Республики Казахстан во второй половине XX – начале XXI в. *Финно-угорский мир*. 2015;7(2):67–76. URL: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2015/2/67-76.pdf> (дата обращения: 16.02.2026).
22. Поносов Г.Л., Дмитриев П.С., Лысакова Т.Н., Носонов А.М., Вендт Я.А. Финно-угорские народы Республики Казахстан: динамика численности, размещение, миграционные процессы. *Финно-угорский мир*. 2021;13(2):158–168. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.02.158-168>
23. Benassi F., Iglesias-Pascual R. Local-Scale Residential Concentration and Income Inequalities of the Main Foreign-Born Population Groups in the Spanish Urban Space. Reaffirming the Model of a Divided City. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2023;49(3):673–696. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2022.2067137>
24. Balode S., Bērziņš M. Ethnic Residential Patterns in the Inner-City Core of Riga, Latvia Using Scalable Individualized Neighborhoods. *Frontiers in Sustainable Cities*. 2025;7:1612980. <https://doi.org/10.3389/frsc.2025.1612980>
25. De Bézenac C., Clark W.A.V., Olteanu M., Randon-Furling J. Measuring and Visualizing Patterns of Ethnic Concentration: The Role of Distortion Coefficients. *Geographical Analysis*. 2022;54(1):173–196. <https://doi.org/10.1111/gean.12271>
26. Danzer A.M., Feuerbaum C., Piopunik M., Woessmann L. Growing up in Ethnic Enclaves: Language Proficiency and Educational Attainment of Immigrant Children. *Journal of Population Economics*. 2022;35:1297–1344. <https://doi.org/10.1007/s00148-022-00889-y>
27. Lindgren K.-O., Nicholson M.D., Oskarsson S. Immigrant Political Representation and Local Ethnic Concentration: Evidence from a Swedish Refugee Placement Program. *British Journal of Political Science*. 2022;52(3):997–1012. <https://doi.org/10.1017/s0007123420000824>
28. Vervoort M. Ethnic Concentration in the Neighbourhood and Ethnic Minorities' Social Integration: Weak and Strong Social Ties Examined. *Urban Studies*. 2012;49(4):897–915. <https://doi.org/10.1177/0042098011408141>
29. Zhitin D.V., Krasnov A.I. Territorial Concentration of Ethnic Groups in St. Petersburg. *Regional Research of Russia*. 2015;5(4):340–348. <https://doi.org/10.1134/S2079970515040140>
30. Zhitin D.V. Spatial Characteristics of Ethnic Group Localisation in St. Petersburg. *Baltic Region*. 2024;16(3):163–186. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-8>
31. Трифонова З.А. Расселение этнических групп в России (1926–2002). *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2008;(2):62–67. <https://elibrary.ru/jvivkz>
32. Трифонова З.А., Лобастова О.А., Ростовцева М.М., Викторов О.Н. Динамика расселения чувашей в России и сопредельных государствах с 1926 года по 2010 год. *Вестник Чувашского университета*. 2016;(4):146–153. <https://elibrary.ru/xhqkyl>
33. Zhitin D.V. Changes in the Settlement Pattern of the Russian Ethnos within the Boundaries of the Russian Federation from the Second Half of the 20th Century to the Early 21st Century. *Regional Research of Russia*. 2013;3(4):365–375. <https://doi.org/10.1134/S2079970514010109>
34. Манаков А.Г. Титульные народы республик России: этнодемографические тренды с 1939 года. *Псковский регионологический журнал*. 2022;18(2):43–64. URL: <https://prj.pskgu.ru/s221979310019231-7-1/> (дата обращения: 27.02.2026).
35. Manakov A.G. Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macoregion from 1897 to 2017. *Regional Research of Russia*. 2020;10(4):574–582. <https://doi.org/10.1134/S2079970520040176>
36. Манаков А.Г., Владыкин Б.А., Коротаева Т.А. Динамика концентрации марийцев в регионах России с 1959 по 2021 гг.: картографический анализ. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*. 2025;18(4):36–50. <https://elibrary.ru/gpytzh>

REFERENCES

1. Fauzer V.V. The Finno-Ugric People in the Modern World. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2011;(3):111–125. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/oqrhlt>
2. Loginova N.N. Geodemographical and Ekistic Features of the Finno-Ugric Peoples of Russia. *Bulletin of Udmurt University. Series Biology. Earth Sciences*. 2011;(2):128–133. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/nvacfn>

3. Loginova N.N., Rebrova T.P. [Population Dynamics of the Finno-Ugric Peoples in Russia]. *Finno-Ugric World*. 2013;5(3):89–97. (In Russ.) Available at: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2013/3/89-97.pdf> (accessed 26.02.2026).
4. Myasnikova A.B. Demographic Losses in Finno-Ugric World in Late XX – Early XXI Century. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2015;(2):96–101. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/tzvyhd>
5. Prokaeva O.N. Effect of Globalization on Finno-Ugric Peoples of Russia. *Mordovia University Bulletin*. 2014;(4):224–230. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/VMU.024.201404.224>
6. Safin F.G., Mukhtasarova E.A., Khaliullina A.I. Ethno-Linguistic and Ethno-Demographic Development of Finnougric Nations in the Ural-Volga Region. *Finno-Ugric World*. 2019;11(2):152–167. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167>
7. Safin F.G., Ilieva A.A., Gilmitdinova E.M. Ethno-Linguistic Processes between the Finno-Ugric Peoples in the Ural-Volga Republics. *Finno-ugrovedenie*. 2023;(1):141–150. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/hfkogh>
8. Orlov A.Yu. [Geodemographic Studies of Ethnoassimilation Processes (using the Population of the Volga Federal District as an Example)]. *Geography and Natural Resources*. 2011;(1):129–136. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ndrinp>
9. Shabaev Yu.P. Demographic “Catastrophe” of the Russian Finno-Ugric Peoples: Social and Political Motivation for the Drift of Identities. *Political Expertise: POLITEX*. 2023;19(4):634–647. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.409>
10. Vladyskin B.A., Alekseeva O.S. Territorial Differences in the Dynamics of the Finno-Ugric Population of the North of European Russia in 2010–2021. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2025;21(3):93–107. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://prj.pskgu.ru/s221979310035235-1-1/> (accessed 20.02.2026).
11. Terenina N.K., Ivanov I.A., Vladyskin B.A., Alekseeva O.S. Dynamics of the Contact Zone between Slavic and Finno-Ugric Peoples in the North-East of European Russia in the 2010s. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2024;20(4):68–83. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://prj.pskgu.ru/s221979310032224-9-1/> (accessed 25.02.2026).
12. Terenina N.K., Vladyskin B.A. Development of Zones of Contact with the Indigenous Peoples of the Ural-Volga Region during the 19th Century. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2023;19(3):90–107. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37490/S221979310027007-0>
13. Sayfullina L.F. The Finno-Ugric Peoples of the Middle Volga and Southern Urals Based on the 1920 All-Russian Census: New Data. *Finno-Ugric World*. 2025;17(2):165–178. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.02.165-178>
14. Azhigulova A.I., Chernysheva N.V. Demographic Processes among the Finno-Ugric Peoples of Bashkiria in the Second Half of the 1920s – 1930s. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2024;18(4):545–556. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2024-18-4-545-556>
15. Dmitrieva I.S., Rassolova E.N. Mordovians: a Brief History, Dynamics of Number and the Reasons of her Decline. *In the World of Scientific Discoveries*. 2015;(3.6):2464–2474. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/tqkopz>
16. Medvedev V.V. Mordvins of Tobolsk Guberniya – Khanty-Mansi Autonomous Area – Ugra: To the Question of Settlement and Population in 1897–2010. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2021;(2):57–62. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34822/2312-377X-2021-2-57-62>
17. Medvedev V.V., Malakhova L.P. Mordva of the Ob-Irtysh North in the Census Materials: Number Dynamics and Settlement. *Bulletin of the Tajik National University*. 2022;(6):53–63. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/ybqnim>
18. Shchankina L.N. Mordovian People in the Irkutsk Region in the Second Half of the XIX Century – the Beginning of the XXI Century: Population Dynamics and History of Migration. *Tomsk State University Journal of History*. 2023;(84):154–163. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/vnfvwu>
19. Savka V.P. [Dynamics of the Mordvin Population in the Far East: History and Modern Times]. *Izvestiya Uralskogo Gosudarstvennogo Universiteta: Seriya 1: Problemy Obrazovaniya, Nauki i Kultury*. 2010;85(6–1):217–223. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ndxfpf>
20. Shulgov E.N. Dynamics of the Mordovians Number in the Union Republics of the USSR. *Samara Journal of Science*. 2018;7(2):174–179. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17816/snv201872206>
21. Loginova N.N., Nosonov A.M., Shurr A.V. [Density and Location of Mordovian Ethnic Groups in the Republic of Kazakhstan in the Second Half of XX – the Beginning of XXI Century]. *Finno-Ugric World*. 2015;7(2):67–76. (In Russ.) Available at: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2015/2/67-76.pdf> (accessed 16.02.2026).

22. Ponosov G.L., Dmitriyev P.S., Lyssakova T.N., Nosonov A.M., Wendt J.A. Finno-Ugric Peoples of the Republic of Kazakhstan: Dynamics of the Population, Distribution, Migration Processes. *Finno-Ugric World*. 2021;13(2):158–168. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.02.158-168>
23. Benassi F., Iglesias-Pascual R. Local-Scale Residential Concentration and Income Inequalities of the Main Foreign-Born Population Groups in the Spanish Urban Space. Reaffirming the Model of a Divided City. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2023;49(3):673–696. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2022.2067137>
24. Balode S., Bērziņš M. Ethnic Residential Patterns in the Inner-City Core of Riga, Latvia Using Scalable Individualized Neighborhoods. *Frontiers in Sustainable Cities*. 2025;7:1612980. <https://doi.org/10.3389/frsc.2025.1612980>
25. De Bézenac C., Clark W.A.V., Olteanu M., Randon-Furling J. Measuring and Visualizing Patterns of Ethnic Concentration: The Role of Distortion Coefficients. *Geographical Analysis*. 2022;54(1):173–196. <https://doi.org/10.1111/gean.12271>
26. Danzer A.M., Feuerbaum C., Piopiunik M., Woessmann L. Growing up in Ethnic Enclaves: Language Proficiency and Educational Attainment of Immigrant Children. *Journal of Population Economics*. 2022;35:1297–1344. <https://doi.org/10.1007/s00148-022-00889-y>
27. Lindgren K.-O., Nicholson M.D., Oskarsson S. Immigrant Political Representation and Local Ethnic Concentration: Evidence from a Swedish Refugee Placement Program. *British Journal of Political Science*. 2022;52(3):997–1012. <https://doi.org/10.1017/s0007123420000824>
28. Vervoort M. Ethnic Concentration in the Neighbourhood and Ethnic Minorities' Social Integration: Weak and Strong Social Ties Examined. *Urban Studies*. 2012;49(4):897–915. <https://doi.org/10.1177/0042098011408141>
29. Zhitin D.V., Krasnov A.I. Territorial Concentration of Ethnic Groups in St. Petersburg. *Regional Research of Russia*. 2015;5(4):340–348. <https://doi.org/10.1134/S2079970515040140>
30. Zhitin D.V. Spatial Characteristics of Ethnic Group Localisation in St. Petersburg. *Baltic Region*. 2024;16(3):163–186. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-8>
31. Trifonova Z.A. Patterns of Ethnic Groups Distribution in Russia (1926–2002). *Lomonosov Geography Journal*. 2008;(2):62–67. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/jvivkz>
32. Trifonova Z.A., Lobastova O.A., Rostovtseva M.M., Viktorov O.N. The Dynamics of the Chuvashs Migration in Russia and Neighboring States between 1926 and 2010. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2016;(4):146–153. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/xhqkty>
33. Zhitin D.V. Changes in the Settlement Pattern of the Russian Ethnos within the Boundaries of the Russian Federation from the Second Half of the 20th Century to the Early 21st Century. *Regional Research of Russia*. 2013;3(4):365–375. <https://doi.org/10.1134/S2079970514010109>
34. Manakov A.G. Title Peoples of the Republics of Russia: Ethno-Demographic Trends since 1939. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2022;18(2):43–64. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://prj.pskgu.ru/s221979310019231-7-1/> (accessed 27.02.2026).
35. Manakov A.G. Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macrorregion from 1897 to 2017. *Regional Research of Russia*. 2020;10(4):574–582. <https://doi.org/10.1134/S2079970520040176>
36. Manakov A.G., Vladikin B.A., Korotaeva T.A. Dynamics of Mari Concentration in Russian Regions from 1959 to 2021: Cartographic Analysis. *Bulletin of the Pskov State University. Series "Natural and physical and mathematical sciences"*. 2025;18(4):36–50. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/gpytzh>

Информация об авторах:

Теренина Наталья Константиновна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии Псковского государственного университета (180000, Российская Федерация, г. Псков, пл. Ленина, д. 2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5288-9409>, SPIN-код: 3280-7324, brazelon@yandex.ru

Владыкин Богдан Алексеевич, аспирант Псковского государственного университета (180000, Российская Федерация, г. Псков, пл. Ленина, д. 2), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-7959-3503>, SPIN-код: 1617-0523, [vladinbogdan1927@yandex.ru](mailto:vladikinbogdan1927@yandex.ru)

Манаков Андрей Геннадьевич, доктор географических наук, профессор кафедры географии Псковского государственного университета (180000, Российская Федерация, г. Псков, пл. Ленина, д. 2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>, Scopus ID: 7003929696, SPIN-код: 5640-9652, region-psk@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. К. Теренина – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык.

Б. А. Владыкин – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

А. Г. Манаков – контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; разработка методологии исследования.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 16.05.2026; одобрена после рецензирования 13.07.2026; принята к публикации 20.07.2026.

Information about the authors:

Natalia K. Terenina, Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Department of Geography, Pskov State University (2 Lenin Square, Pskov 180000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5288-9409>, SPIN-code: 3280-7324, brazelon@yandex.ru

Bogdan A. Vladykin, Postgraduate student, Pskov State University (2 Lenin Square, Pskov 180000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-7959-3503>, SPIN-code: 1617-0523, vladykinbogdan1927@yandex.ru

Andrey G. Manakov, Dr. Sci. (Geogr.), Professor, Department of Geography, Pskov State University (2 Lenin Square, Pskov 180000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>, Scopus ID: 7003929696, SPIN-code: 5640-9652, region-psk@yandex.ru

Authors' contribution:

N. K. Terenina – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation);

B. A. Vladykin – conducting a research and investigation process, specifically performing the data collection; verification of the reproducibility of the results.

A. G. Manakov – oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Submitted 16.05.2026; revised 13.07.2026; accepted 20.07.2026.